

Едва рассвело. Дождь утих, но густой туман за ночь так и не рассеялся. Срок аренды временной комнаты истек: пролом в стене затянулся, и она бесследно исчезла, словно её никогда и не бывало.

Гу Вэй снова оказался в вестибюле.

При виде него, до этого настороженно озиравшие друг на друга, облегченно вздохнули. Особенно девушки. С самого начала казалось, что только Гу Вэй сохраняет абсолютное хладнокровие. Хотя он и вел себя как безумец, постоянно балансируя на грани гибели, каждый раз ему удавалось выйти сухим из воды.

Чжуан Чжуан при виде названного брата порывался броситься к нему, но, заметив за спиной Гу Вэя Киноимператора, резко застыл как вкопанный.

— Брат, ты, небось, проголодался? — засуетился он. — Я сейчас найду чего-нибудь перекусить.

У всех при себе были кое-какие припасы. Один из ветеранов сцены достал из чемодана пачку печенья и протянул Чжуан Чжуану.

Чжуан Чжуан покосился на И Цяньваня и осторожно протиснулся к левому плечу Гу Вэя. Распечатывая на ходу пачку, он затараторил:

— Брат, ну наконец-то ты вышел! Я тут...

Вдруг пачка печенья исчезла у него из рук.

Чжуан Чжуан недоуменно уставился на свои пустые ладони.

— Что «ты»? — нетерпеливо поторопил его Гу Вэй, поворачивая голову на звук. — Говори, да поторапливайся. И не отвлекайся от упаковки, открывай быстрее!

— Я тоже... — Чжуан Чжуан запнулся, вытаращив глаза.

Киноимператор двумя пальцами аккуратно достал из пачки печенье и поднес к губам Гу Вэя.

—...на-нашел дневник, — выдавил наконец Чжуан Чжуан.

В вестибюле воцарилась гробовая тишина. Всем безумно хотелось узнать лишь одно: что, черт возьми, произошло между этими двоими за ночь?

Гу Вэй, ничуть не смутившись, спокойно приоткрыл рот и принялся жевать. Крошки

посыпались на его подбородок. С первого дня в Системе все уже привыкли к его манере есть: при всей внешней утонченности он ухитрялся вечно пачкаться.

— Продолжай, не останавливайся, — прошамкал Гу Вэй. — И ты тоже не останавливайся, корми давай.

Набравшись смелости, Чжуан Чжуан взглянул на Киноимператора. Тот как ни в чем не бывало поднес к губам его брата следующее печенье.

«Это что, особая привилегия для тех, у кого связаны руки? — подумал Чжуан Чжуан. — Ну да, точно!»

Чжуан Чжуан собрался продолжить, но тут висевшая до этого безжизненно камера внезапно зашевелилась и уставилась на них:

[Все актеры в сборе. Пожалуйста, раскройте взаимоотношения между четырьмя главными героями]

[Если через три часа прогресса не будет, трое актеров будут выведены из состава]

На стене у стойки администратора из ниоткуда возникли огромные часы. Секундная стрелка бешено неслась по циферблату, словно спасаясь от погони.

Вот же ж бред... Забота прямо-таки прет через край.

Гу Вэй соображал молниеносно, да и жевал не менее шустро. Пока камера вещала, он нетерпеливо поворачивал голову, ожидая очередной порции. Заметив, что тот постоянно тянется в сторону Чжуан Чжуана, И Цяньвань сделал шаг и заслонил парня. Тот, завидев приблизившегося Киноимператора, благоразумно отступил назад.

Чжун Лю неотступно следовал за И Цяньванем. Глядя, как тот послушно скармливает печенье кусок за куском, он не выдержал и зашептал на ухо боссу:

— Господин И, в этой еде точно нет подвоха, я лично всё проверил.

И Цяньвань бросил на него ледяной взгляд.

Чжун Лю опешил. «Что это еще за взгляд? Да чистые они, клянусь своим стопроцентным зрением!»

[Внимание: пожилая женщина — самое дорогое, что есть у исполнителя роли второго плана,

Цяо Луи. Вы обязаны её вылечить]

Камера просипела последнюю фразу и затихла.

Гу Вэй на секунду перестал хрустеть, и он усмехнулся. О, а вот это уже становится любопытным.

Ведущий Цзяо Лю сделал шаг вперед, но, словно опасаясь И Цяньваня, близко подходить не решился. Он обратился к Гу Вэю:

— Мы без понятия, кто из нас Чжоу Чжоу и зачем она здесь затесалась. Но у нас есть два дневника... — Он запнулся.

Гу Вэй весь превратился в слух. То ли очередное печенье запоздало, то ли сам он слишком торопился, но в этот момент он случайно прикусил палец своего «кормильца».

И Цяньвань замер.

Прикусив чужую руку, обнаглевший Гу Вэй невнятно пробормотал:

— Будешь и дальше копать — в следующий раз оттяпаю тебе палец вместе с печеньем.

Чжуан Чжуан, решивший, что брат обращается к нему, безмолвно округлил глаза.

И Цяньвань невозмутимо отнял руку. Достав из пачки еще одну печенку, он задумчиво оглядел её, а затем отправил себе в рот.

Окружающие лишились дара речи.

Видеть неприступного, холодного Киноимператора, жующего дешевое печенье, было как-то совсем дико.

— И как оно? — тихонько шепнул Чжун Лю. — Всё-таки чистое?

— Солоноватое, со вкусом топлёного молока, — сухо отозвался И Цяньвань.

На деле вкус оказался посредственным. Киноимператор ел подчеркнуто аккуратно, лишь слегка откусив край — чисто ради пробы.

Чжун Лю впал в ступор. «Может, еще громче объявите? И вообще, я разве об этом

спрашивал?!»

В просторном холле было шумно. Здесь, в отличие от замкнутого пространства комнаты, звуки рассеивались, и Гу Вэй, если не прислушивался специально, хуже улавливал происходящее вокруг. Он не понял, что И Цяньвань сам съел кусочек, но отчетливо расслышал слова: «Солоноватое, со вкусом топлёного молока».

Гу Вэй усмехнулся. Сжав зубами оставшуюся половинку печенья, он повернулся на голос и требовательно ткнул лицом прямо в И Цяньваня.

Молчаливое предложение поделиться из рук в руки.

Остальные присутствующие недоуменно переглядывались. Он что, действительно предлагает себя покормить? Или просто просит протолкнуть кусок поглубже?

Внезапно всем показалось, что тиканье часов над головой и зловещие «три часа» уже не так сильно давят на нервы. Даже гнетущее чувство чужого взгляда, сверлящего спину, на мгновение отступило.

Картина выглядела на удивление гармонично. Людям свойственно тянуться к прекрасному.

Хотя... стоп. Они вообще-то пытаются выжить в смертельной игре, а не снимаются в романтической дораме!

Среди общего молчания И Цяньвань опустил взгляд на торчащий прямо перед его носом обломок печенья, протянул руку и аккуратно протолкнул его Гу Вэю в рот.

Гу Вэй задорно вскинул брови и довольно зажмурился.

Шум толпы рассеивал его внимание. Чжуан Чжуан был готов поклясться: брат до сих пор уверен, что его кормит верный помощник. А значит, эта его выходка...

Он невольно выпрямился.

Если догадка верна, его гениальный брат снова начал свою «шахматную партию». Чжуан Чжуан знал Гу Вэя как облупленного. Тот никогда ничего не делал просто так. Любезность с его стороны всегда означала скрытую угрозу.

Предыдущий бедолага, которому Гу Вэй когда-то так же мило улыбнулся, теперь навсегда распрощался с карьерой в шоу-бизнесе. Этот наглец нечестным путем выиграл вокальный конкурс, а Гу Вэй так виртуозно обвел его вокруг пальца, что парень сам во всем признался. И ладно бы наедине, так ведь в прямом эфире на миллионную аудиторию!

Чжуан Чжуан бросил сочувствующий взгляд на И Цяньваня. «Что ж, Киноимператор, уповай на милость небес».

Заметив, что Цзяо Лю окончательно впал в ступор, Ху Ханьсань поспешил вмешаться:

— У нас осталось всего три часа.

Все взгляды устремились на него.

— Что? — не понял Ху Ханьсань. — Через три часа любого из нас могут выбросить отсюда без объяснения причин.

Все мысленно вздохнули: «Вот поэтому ты до сих пор и холостяк».

— К тому же мы так и не вычислили самозванца, — добавил он.

Все снова вздохнули: «А вот поэтому ты и смог вернуть былую славу».

— Дневники здесь, — Цзяо Лю похлопал по двум старым тетрадам. Бумага успела пожелтеть от времени и казалась настолько хрупкой, что могла рассыпаться от малейшего прикосновения. — Мы попытались сопоставить факты... Но так и не поняли, кому они принадлежат.

Все удрученно опустили головы. Признавать свое бессилие было горько.

— Сведения не сходятся, — поддержал коллегу Ху Ханьсань. — В записях куча противоречий. Возможно, они прольют свет на роли, но...

— Эй, как тебя там... Цяо Луи! — внезапно подал голос Гу Вэй, прикончив наконец печенье. — Как там твоя матушка? Покажи-ка мне её.

Послышались шаркающие шаги приближающегося человека.

— Брат, мы тут важные вещи обсуждаем, зачем тебе сдался этот непись? — тихо спросил Чжуан Чжуан.

После гибели Бай Ли Цяо Луи выглядел совсем раздавленным. Он безучастно сидел на стуле возле каталки со старухой, не проявляя ни малейшей агрессии. Если бы Гу Вэй не окликнул его, все бы давно забыли о его присутствии. Пожалуй, это был самый незаметный неигровой персонаж за всю историю.

Цяо Луи медленно подошел ближе.

У Чжун Лю, страдавшего врожденной паранойей, мгновенно взвыла мысленная сирена. Придвинувшись к И Цяньваню, он сверкнул глазами в сторону затылка Гу Вэя:

— Шеф, что он задумал?

От таких типов добра не жди!

Гу Вэй небрежно пожал плечами, размял связанные запястья и резко повернулся к И Цяньваню:

— Ты ведь знал заранее, что меня затянет в то чертово зеркало?

Чжун Лю предусмотрительно попятился. Атмосфера мгновенно накалилась до предела.

Уловив чутким слухом шаги остановившегося перед ним Цяо Луи, Гу Вэй хищно оскалился. Он медленно слизал крошку с губы, обнажая крохотную родинку в уголке рта.

— Впрочем, забудь. Твой ответ уже ничего не меняет.

Он опасно и издевательски усмехнулся, прищулив глаза под шелковым галстуком. Наклонившись к самому уху И Цяньваня, он зашептал доверительным, почти дружеским тоном:

— Видишь ли, я парень крайне злопамятный. И долги... отдаю с процентами.

И Цяньвань повернул голову и спокойно встретил его невидимый взгляд, даже не думая оправдываться:

— И как же ты собираешься отомстить?

Он бесстрастно изучал лицо связанного противника.

— Буду ждать с нетерпением, — добавил он ровным, лишенным каких-либо эмоций голосом.

Остальные игроки замерли. «Это еще что за разборки на ровном месте?»

Цяо Луи застыл напротив Гу Вэя.

— Как дипломированный специалист, я всей душой стремлюсь осмотреть твою матушку, — лениво протянул Гу Вэй. Он едва сдерживал смех от собственной наглости, но изо всех сил

удерживал серьезную мину. — Однако есть небольшая загвоздка: я временно слеп.

Игроки недоуменно уставились на него. И к чему он клонит?

Гу Вэй выждал театральную паузу и с предельной, кристально чистой искренностью в голосе попросил:

— Не поможешь мне развязать руки?

Да ладно! Так можно было?!

Ху Ханьсань и Цзяо Лю ошарашенно переглянулись.

Погодите... Что там только что вещала системная камера?

[Внимание: пожилая женщина — самое дорогое, что есть у исполнителя роли второго плана, Цяо Луи. Вы обязаны её вылечить]

Невероятно! Он умудрился использовать даже эту подсказку! Ну и силен же чертяка.

Все затаили дыхание, переводя взгляды на Цяо Луи. Интересно, как поступит несчастный непись, зажатый в тиски программных установок?

Однако Цяо Луи не колебался ни секунды.

Выслушав Гу Вэя, он медленно наклонил голову и уставился темными провалами глаз прямо на стоящего рядом И Цяньваня.

— Шеф, берегись!.. — истошно завопил Чжун Лю.

Цяо Луи едва заметно скосил взгляд на пол под правой ногой Киноимператора. В то же мгновение плиты под ногами И Цяньваня сработали как качель-балансир, резко накренившись вниз.

Доля секунды — и И Цяньвань провалился под землю.

Пол тут же вернулся в прежнее положение. На гладкой поверхности не осталось ни щели, ни шва, будто плиты никогда и не двигались.

Толпа единым порывом отшатнулась назад. На бледного Цяо Луи теперь смотрели с

паническим ужасом.

Лишившись своего главного защитника, Чжун Лю окончательно потерял дар речи. Пятясь назад, он заикался от страха:

— Я... я ничего не имею против! Пожалуйста, только не отправляй меня туда же!

Оказаться под полом без малейшего шанса выбраться — перспектива так себе.

Чжун Лю с дикой обидой и злостью зыркнул на Гу Вэя. И зачем только он вчера сочувствовал этому чертову манипулятору? Ему безумно хотелось вернуться в прошлое и хорошенько надавать по шее самому себе за проявленную жалость.

<http://bllate.org/book/18225/1752246>